

Мухаметкали А.А.
Аль-Фараби атындағы Казак улуттук университеті
Мухаметкали А.А.
Казахский национальный университет имени Аль-Фараби
Mukhametkali A.A.
Kazakh National University named after Al-Farabi

**ТАРЫХНААМАДАҒЫ “БОРБОРДУК АЗИЯ” ЖАНА “ТАТАРИЯ” ТЕРМИНДЕРИНИН
АНЫКТАМАЛАРЫНЫН ТАРЫХЫ ЖАНА ОРТО КЫЛЫМДАҒЫ ЕВРОПАЛЫК
САЯКАТЧЫЛАРДЫН ЭСКЕРТУҮЛӨРҮ
ИСТОРИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ТЕРМИНОВ «ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ» И «ТАРТАРИЯ»
В ИСТОРИОГРАФИИ И ЗАПИСКАХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
HISTORY OF DEFINITIONS OF THE TERMS “CENTRAL ASIA” AND “TARTARY”
IN HISTORIOGRAPHY AND NOTES OF MEDIEVAL EUROPEAN TRAVELERS**

Кыскача мүнөздөмө: "Орто кылымдагы европалык саякатчылардын тарыхнаамасындагы жана жазмаларындагы "Борбордук Азия" жана "Тартария" терминдеринин аныктамаларынын тарыхы" деген макалада орто кылымдардагы европалык саякатчылардын тарыхый изилдөөлөрүндө жана саякат каттарында "Борбордук Азия" жана "Тартария" түшүнүктөрүнүн эволюциясына сереп берилет. Автор бул терминдердин ар кандай тарыхый мезгилдердеги ар кандай аныктамаларын жана чечмелөөлөрүн талдап, алардын өзгөрүлмөлүүлүгүн жана контексттик көз карандылыгын белгилейт. Европалык изилдөөчүлөрдүн бул аймактарды кабылдоосунун тарыхый тамырларын жана эволюциясын, ошондой эле орто кылымдагы Европада Чыгыш жөнүндө түшүнүктөрдү калыптандыруудагы ролун изилдөөгө өзгөчө көңүл бурулат.

Аннотация: Статья «История определений терминов «Центральная Азия» и «Тартария» в историографии и записках средневековых европейских путешественников» представляет обзор эволюции понятий «Центральная Азия» и «Тартария» в исторических исследованиях и путевых записках европейских путешественников периода Средних веков. Автор анализирует различные определения и трактовки этих терминов в разных исторических периодах, отмечая их изменчивость и контекстуальную зависимость. Особое внимание уделяется исследованию исторических корней и эволюции восприятия этих регионов европейскими исследователями, а также их роли в формировании представлений о Востоке в средневековой Европе.

Abstract: The article «History of Definitions of the Terms 'Central Asia' and 'Tartary' in Historiography and Travel Notes of Medieval European Travelers» provides an overview of the evolution of the concepts of «Central Asia» and «Tartary» in historical research and travel accounts of European travelers during the Middle Ages. The author analyzes various definitions and interpretations of these terms in different historical periods, noting their variability and contextual dependence. Special attention is paid to the study of the historical roots and evolution of the perception of these regions by European researchers, as well as their role in shaping perceptions of the East in medieval Europe.

Негизги сөздөр: Борбордук Азия; Тартария; Туран; Орталык Азия; Түркестан; Италиялык жолоочулар.

Ключевые слова: Центральная Азия; Тартария; Туран; Средняя Азия; Туркестан; итальянские путешественники.

Keywords: Central Asia; Tartary; Turan; Middle Asia; Turkestan; italian travelers.

Центральная Азия и Тартария (Татария) вызывали довольно острый интерес для средневековых итальянцев. Прежде всего это связано с тем, что Золотая Орда была очень мощным государственным образованием, и опасность с ее стороны постоянно возрастала. Фактически в этом отношении мы можем наблюдать столкновение двух цивилизаций: с одной стороны, европейская цивилизация, которая характеризуется оседлостью и стабильным цивилизационным развитием, а с другой – азиатская цивилизация – подвижные кочевники, которые в глазах европейцев выглядели варварами. Более того, по мнению Н. Шастиной, европейцы понимали амбиции татар ничуть не меньше, как мировое господство и отдавали себе отчет, что военной мощности у татар достаточно,

чтобы воплотить в жизнь данный замысел. Тот факт, что татары остановились на Восточной Европе, был связан с тем, что начались внутренние раздоры за власть, а общеевропейский крестовый поход, который поддерживал Папа Римский и на котором настаивал Галицко-Волынский князь Данило Галицкий, так и не состоялся, ничуть не обнадеживая европейских владык. Исходя из этого европейским дворам было необходимо установление дипломатических отношений с татарами, а то и вовсе проведение разведки. Поэтому было положено начало дипломатическим миссиям, цель которых – установление контакта с татарами и сбор информации о них. Отметим, что согласно Британской энциклопедии название «татар» изначально обозначало племена, проживающие на северо-востоке современной Монголии и на берегу озера Байкал, в V веке нашей эры. Данные народы были тюркоязычными и, вероятно, имели родство с половцами или кыпчаками. В начале XIII века различные группы этих тюркских кочевников вступили в состав армий монгольского завоевателя Чингисхана, что привело к слиянию монгольских и тюркских элементов. После этого слияния монгольские захватчики России и Венгрии стали известны европейцам как «татары» или «тартары». Этот термин был использован для обозначения монгольско-тюркских народов, которые входили в состав Золотой Орды и других монгольских княжеств. В ходе монгольского нашествия на Русь и в Европу термин «татары» стал широко распространенным в европейской литературе и источниках [6].

Особое внимание к «татарской проблеме» прослеживается в сложившейся терминологии, когда средневековыми западноевропейскими историками довольно часто для определения монголов употребляется термин не «татар» по самоназванию народа, а именно «тартар», который довольно четко соотносится с греческой мифологией и обозначает ад, вечную тьму. Такой подход непосредственно свидетельствует о страхе перед татарами, который был не беспочвенным [5, с. 202]. Наиболее известные европейские средневековые путешественники, которые оставили после себя письменные свидетельства – это Плано Карпини и Вильгельм де Рубрук. Отметим, что средневековая Европа при географических определениях очень редко использовала понятия границ отдельных государств, в то время, как правило, границами служили природные барьеры: горы, моря, реки. А геопространственное мышление средневекового европейца в основном оперировало конкретными позициями, например, названиями народов, которые населяли те или иные территории, или города, которыми владели. Учитывая, что маршруты дипломатических миссий Плано Карпини и Вильгельма де Рубрука значительно отличались, не удивительно, что они вкладывали совершенно разные понятия в термин «Тартария» и заключали в него несколько иные территории. Исходя из этого, необходимо, опираясь на источники, установить, что вкладывалось в понятие «Тартария» этими путешественниками.

После своего недолгого пребывания в Киеве, Плано Карпини был сопровожден в город Канов (Канев), который, по свидетельству Плано Карпини, уже принадлежал непосредственно татарам. Данный населенный пункт находится на правом берегу реки Днепр, в ста двадцати километрах от современного Киева. Опираясь на свидетельства путешественника, именно эти земли нужно считать западными границами Тартарии [5, с. 67]. Опираясь другими историческими источниками, можно усомниться, что правобережье Днепра непосредственно входило в состав Тартарии, возможно, тут имеет место субъективное восприятие Плано Карпини, скорее всего его выводы о том, что город принадлежал татарам, сложилось от того, что именно там была первая встреча с ними. Далее, по тексту Плано Карпини можно установить приблизительные восточные границы территорий, которые вкладывались в понятие «Тартарии»; естественно, сам европейский дипломат не был в крайних восточных землях Тартарии, но довольно четко обрисовывает их, оперируя гидронимами. Так, в термин «Тартария» Карпини вкладывает такие земли в бассейнах рек Днепр, Дон, Волга и Яик. При описании земель он указывает кочевья тех или иных правителей. Также можно проследить южные границы этого государственного образования. А именно, Плано Карпини указывает, что в зимний период кочевники спускаются к морю, скорее всего, путешественник имеет в виду Каспийское [5, с. 70]. Таким образом, можно говорить о том, что в термин «Тартария» Плано Карпини вкладывал территории, которые непосредственно контролировались татарами. По мнению Плано Карпини, сам термин «Тартария» скорее является гидронимом: «В восточных странах есть некая земля, о которой сказано было выше, и называется монгал. В ней жили некогда четыре народа. Один из них назывался йека-монгал, то есть великие монголы, другой – су-моал, то есть монголы вод; сами же себя называли они «тартары», по имени некой реки, текущей, через их землю, которую они называли Тартар. Третий (народ) назывался меркиты, четвертый же – мекриты...» [5, с. 37-38].

Несколько иных взглядов был францисканский монах Вильгельм (Гельом) де Рубрук. Отметим, что этот путешественник совершил свою дипломатическую миссию пешком и оставил после себя более детальное описание жизни татаров. Главным отличием можно считать то, что де

Рубрук вообще не использует термин «Тартария», а всегда использует само название «татары» и соответственно «татария» или «земли татар». Также им не используется понятие государства по отношению к этим землям. Вильгельм де Рубрук имел иной маршрут, и на территорию татар прибыл морем. Свой путь в ставку он начинал из города Солдаии (г. Судак в Крыму), этот город де Рубрук назвал первым городом татар на юге. То есть по факту очертил южную границу их владений. Рубрук несколько увеличивает географические рамки государства татар и вкладывает в термин «Татария» земли, которые по факту не входили в ее состав, но народы, проживающие на них, были обложены данью. В данном историческом источнике земли татар, или Татария обрисована следующим образом: «От Дуная до мест, где восходит солнце», то есть тем самым де Рубрук подчеркивал огромные масштабы данных земель. Уточняя, он дает такие рамки, от Дуная до Волги, южную границу он проводит по морям (Черное, Каспийское). Так же, как и Плато Карпини де Рубрук не акцентирует внимание на северной границе земель, так как по факту никто из них там не пребывал [5, с. 88-91].

Таким образом, в записках средневековых путешественников понятие «Тартария» («Татария») четко соотносится с народом, который населял эти земли, – монголами. Однако, если Карпини был более подвержен влиянию западноевропейских традиций и использовал термин «Тартария», то де Рубрук был более объективным и не позволял себе такого. В то же время различные маршруты данных дипломатических миссий создают разное географическое наполнение термину «Тартария». И если среди миссионеров и торговцев существует согласие по поводу южной границы региона, которую, как они считают, проходит по северным берегам морей – Черного, Азовского и соответственно Каспийского, то с западными границами все сложнее. Карпини ограничивает западные рубежи правым берегом Днепра, тогда как Рубрук полагал, что Тартария значительно глубже пробивается в Европу. Как уже указывалось выше, это могло стать следствием включения в татарскую государственность де Рубруком земель, которые были зависимы от татар, то есть платили дань. Северная граница путешественниками вовсе опускается из документов, восточная, в целом проходит по Волге, но Карпини стремится отодвинуть ее несколько дальше на восток. Отметим, что ни Плато Карпини, ни Вильгельм де Рубрук не используют термин «Средняя Азия».

Современные зарубежные исследователи вопроса географического членения территорий по запискам средневековых путешественников приходят к выводу, что Карпини и Рубрук внесли в свои описания довольно много субъективных определений территорий. Например, В. Рокхил в своем английском переводе допускает, что Органум – это Ургенч (ну, конечно, не город, а вся Средняя Азия или Согдиана), а давние письма – согдейские. С этим предположением можно согласиться: несторианские тексты на согдейском языке и письменность действительно известны, и упадок этого языка случился где-то в XI в. (то есть во времена Рубрука это была уже достаточно почтенная давность) [11]. Как мы видим, данный английский автор в своем анализе использует термин «Средняя Азия», который использовался исключительно в российском дискурсе. И, как отмечают исследователи, это далеко не единичные описания территорий и топонимов, которые делали путешественники «со своей точки зрения». И. да Силва отмечает, что этот период также отмечен изменением взглядов на вещи. Мир этих новых путешественников, а также записи, которые они создали в своих поездках, или хотя бы часть их. Как утверждают западные исследователи вопроса, субъективность и неточность отчетов и маршруты путешествий отныне будут присутствовать, доходя до текстов современности и записи путешественников, путешествующих по Новому Свету, включая фактор, из-за которого эти записи долгое время оставались в неясных местах внутри страны. Сведения в отчетах о путешествиях до XIII века связаны главным образом с преобладанием идеи «Contemptus Mundi», отрицание мира и его общества, через полную изоляцию Европы от «варварской Азии». Это понятие основано на относительно четком противопоставлении земного и небесного [8, с. 26]. Монгольская империя считается одной из крупнейших в истории по размеру территории. Однако история данного региона не линейна и сопряжена с множественными разновекторными обстоятельствами, в связи с чем и использование терминологии в различные периоды довольно разное. Исследование М. Родригеса свидетельствует, что непрерывный диапазон территорий, который впоследствии стал именоваться «Тартарией», а позднее «Центральной Азией» возник, благодаря формированию единого государства из различных кочевых племен азиатских степей, объединенных под командованием монгольского завоевателя Тэмуджина, который вошел в историю как Чингисхан, в начале XIII века [12, с. 235]. Изучая средневековые «записки» и различные хроники, М. Родригес приходит к выводу, что эти повествования демонстрируют огромное влияние, оказанное на Европу Плато Карпини и Вильгельмом Рубруком. Посещенные ими регионы в целом освещаются в негативных образах. Практически речь идет о «другом мире», который чужд европейскому обывателю. Исследователь указывает, что именно Карпини впервые называет

восточный регион «Тартарией» и монгольские народы «татарами». Термин татарский, по сути, был принят в Европе вообще, несмотря на то, что они представляли только одну из этнических групп, составлявших группу племен, сформировавших Монгольскую империю [12, с. 237]. В данном случае происходит процесс сложения обобщенного, собирательного образа для топонима, который не соответствовал действительности ни с географической, ни с этнической точки зрения, но для обывателя был понятен и воспринят. Жак Ле Гофф называет возникновение Монгольской империи великим событием, которое ознаменует заключительный период крестовых походов, изменив отношения между Западом и Востоком. Возникновение и оригинальность этого явления нельзя недооценивать, так как новые государственные образования, новые топонимы на карте неизменно влияют на ход мировой истории. В данном случае, возникшая империя глубоко изменила ход восточного и западного средневековья. Сложение данного государства стало возможным благодаря созданию кигурского языка и алфавита, заимствованного у тюркско-уйгурского племени Средней Азии, завоеванной в первые годы расширения империи. В XIII веке монгольская государственность достигла своего пика. В этот период, который стал известен как «*Rex Mongolica*», отличается относительной безопасностью путей сообщения ее контролем, что позволило возродить такие пути, как Шелковый путь, это привело к росту торговли и путешествий между Европой и Дальним Востоком. Именно этот период исследователь считает временем укоренения термина «Тартария» («Татария»), поскольку до этого, разрозненные племена, которые, ввиду отсутствия государственности, не могли обеспечить ни безопасность, ни стабильность. Поэтому тартары не вызывали интереса для европейского общества и потому, по факту, «не заслуживали» своего топонима [9, с. 45]. Именно сложение государственности монголов послужила толчком к введению в обиход терминов «татар», «тартария», «татария», которые впоследствии стали прообразом понятия «Центральная Азия». В. Трепавлов уверен, что Монгольская империя, завершив историю великих кочевых держав, усовершенствовала механизм объединения кочевников, который до сих пор периодически вводится в действие на протяжении полутора тысячелетий. Он считает, что при создании Монгольской империи проявилось явление «имриофилии», которое обычно сопровождалось образованием молодых империй, то есть наличием прочного государственного порядка и возможностью военной защиты от традиционных противников, а также доступом к огромным ресурсам завоеванных территорий. По его мнению, феномен «монголофилии» ярко проявился в ходе первых кампаний добровольного вторжения тюркских народов в Южную Сибирь и Восточный Туркестан [15, с. 143].

Осуществляя историографический экскурс данного вопроса, необходимо отметить, что ограниченность источников порождает проблему ограниченности исследований этой области. В основном терминология «Тартария» «Центральная Азия», встречается в источниках крайне фрагментарно, так как определение и наполнение смыслом данных категорий не являлось целью экспедиций путешественников. Однако ограниченность далеко не означает отсутствие специальных исследований по данной теме. На сложности определения термина «Центральная Азия» указывает отечественный исследователь Г. Султангалиева. Главная сложность, по мнению исследователя, заключается в разных названиях в исторической ретроспективе, а также в неточности определения границ этого региона в разные периоды. Значение и смысловое наполнение термина менялось в зависимости от политического контекста и даже от субъективного отношения того или иного автора к проблематике. Особую роль в определении «Центральной Азии» Г. Султангалиева отводит Казахстану. Проводя изучение зарубежного исторического нарратива относительно сложения номенклатуры, она акцентирует внимание на том, что именно Казахстан связывал различные части Центральной Азии в одну региональную систему. В этом плане Казахстан представляет главную основу для изучения региональной истории на имперском, советском и постсоветском пространстве [13, с. 345-349].

Прежде всего необходимо выделить исследование данной проблематики С. Горшениной. Ее монографии («Центральная Азия: изобретение границ и русско-советское наследие» и «Изобретение Центральной Азии: история понятия от Тартарии до Евразии»), которые можно считать хрестоматийными в данном вопросе, проливают свет на данную проблематику. Монография «Центральная Азия: изобретение границ и русско-советское наследие» посвящена политической стороне истории формирования внутренних и внешних границ Центрально-Азиатского региона. Однако в данной работе акцентировано внимание на периоде, когда данный регион вошел в орбиту интересов Российской империи, тем не менее, в данной работе четко прослеживается эволюция понимания данного региона как территориальной единицы. Только после того, как начался процесс интеграции этих территорий в состав Российской империи, пространство, теперь известное как

«Центральная Азия», стало темой для обсуждения. Этот процесс включал в себя военные, политические, символические и экономические аспекты. Именно тогда эти процессы стали ключевыми для региона, так как их участие в геополитической арене стало неизбежным. Таким образом, мы можем сделать вывод, что процессы подчинения территории своим интересам вывели данные территории на совершенно иной уровень мировосприятия. Если провести сравнение с текстами средневековья, то становится очевидным, что в Средние века европейские путешественники не использовали термин «Центральная Азия», потому что концепция региональных делений была значительно отличной от современной. Вместо того чтобы разделять мир на определенные геополитические регионы, путешественники чаще оперировали более общими понятиями, такими как страны, континенты, религиозные области и этнические группы. Кроме того, интерес к Центральной Азии и ее политическому значению для Европы был ограничен длительное время из-за удаленности этого региона от западноевропейских центров влияния и ограниченной доступности информации о нем. На чем акцентирует внимание С. Горшенина. Одной из ключевых задач С. Горшениной нужно считать освещение вопроса стратегии и аргументации, ожидания и реальностей экспансии Российской империи в бассейны рек Сырдарья и Амударья. Автором проанализированы фактически оправдания военных и политиков того времени; она приходит к выводу, что ключевым аргументом выступает защита от варваров, необходимость привнести цивилизованный мир на эти территории, то есть дать импульс в развитии этих народов, фактически ключевые деятели тех времен оправдывали данные процессы необходимостью и неизбежностью. Исследовательница и историограф данной проблематики акцентирует внимание на том, что в рассматриваемый период не только происходит процесс наполнения содержанием понятия, но и попытки найти связь России с Азией, то есть оправдать право на владение данной территорией и получить преференции в виде геостратегических позиций [10, с. 150]. В своей работе исследовательница проводит собственную систематизацию процесса формирования демаркационных линий, связанных с понятием «Центральная Азия», в исторической перспективе. Образ данной территории прослеживается ещё с античных источников, включая ахеменидские и древнегреческие свидетельства. В массе своей данный регион изображен на средневековых исламских, арабо-персидских картах. Важным выводом монографии Горшениной является история восприятия европейцами данного региона. Первый контакт западного человека с территориями Центральной Азии произошел в период войн Александра Великого. Неведомый и загадочный регион, заселенный варварами, понимался как «край света» и приобретал мифические черты, сближающие его с раем. Данное обстоятельство может указывать на то, что европейские исследователи практически ничего не знали про эти территории и потому мифологизировали ее. В данном аспекте целесообразно вспомнить греческую мифологию. Греческая ойкумена ограничивалась северным Причерноморьем, поэтому на неизвестные им более северные регионы, которые греки считали непригодными для жизни людей, помещались мифические чудовища, а также Тартар – царство вечной тьмы, куда были сброшены атланты [3]. Такая же ситуация наблюдается и по отношению к Центральной Азии во времена, когда она была недостаточно исследована. Однако ситуация с пониманием категории «Центральная Азия» кардинально меняется после монгольского завоевания. В употребление постепенно входит новый термин «Тартария» для обозначения этой обширной территории, которая географически включает Тибет, Монголию, иногда северный Китай и Киевскую Русь, наряду с другими. В этот термин интегрированы прежние образы и коннотации, а также более или менее реальные сведения, полученные от путешественников. Стоит отметить, что автор проводит интернационализацию пространства, которое в российской номенклатуре чаще встречается под термином «Средняя Азия». Отслеживает различные версии описания региона и проводит довольно основательную систематизацию терминологии. Историограф акцентирует внимание на том, что в исторической ретроспективе прослеживается диспут по поводу использования термина «Тартария» в пользу другого термина, а именно «Трансоксиана», однако закрепился термин «Тартария» («Тартарии») в международном обращении и приобрел популярность. В современном контексте термин «Тартария» иногда используется для обозначения вымышленной или мифической империи, которая, по мнению некоторых людей, могла существовать в прошлом, но была забыта или стерта из исторических записей. Это использование термина часто связано с конспирологическими или альтернативными историческими теориями и не имеет научного обоснования. В то же время именно этот термин становится своеобразным способом расчленения территории, народов и политического устройства в описании Центральной Азии (более поздний термин) и окружающих территорий. Исследования в области трансформации топонимов, особенно процесса укоренения термина «Центральная Азия» вместо «Тартарии», имеют большое значение. По мнению Горшениной, эти изменения связаны с переходом к более научному и нейтральному определению территорий.

Немецкие ученые сыграли ключевую роль в этом процессе, внося свой вклад в формирование новой географической терминологии. Основываясь на работах немецких ученых, термин «Центральная Азия» был обоснован не только на этнических или языковых основаниях, а скорее на геологических аргументах. Это означает, что при переходе к использованию термина «Центральная Азия» ученые ориентировались на географические и природные характеристики региона, его местоположение и геополитическую значимость, в отличие от прежних терминов, которые могли быть более субъективными или исторически обусловленными. Таким образом, переход к использованию термина «Центральная Азия» вместо «Тартарии» был результатом научных исследований и стал одним из этапов в становлении более точной и объективной географической терминологии для описания этого региона. Несмотря на то, что геологическое определение было призвано окончательно разрешить проблематику определений и четко очертить границы данной области, довольно длительный период границы Центральной Азии оставались «размытыми». В качестве синонимических определений длительное время использовались термины «Внутренняя Азия» и «Верхняя Азия» [14]. Например, А. фон Гумбольдт понимал термин «Центральная Азия» в качестве территорий, которые охватывали высокогорные районы Синьцзяна, Памира, Тибета, Кашмира и Алтая [4, с. 124], тогда как долины и степи будущей Средней Азии и Казахстана относились скорее к низменному плато, для которого исследователь использовал термин «Туран» [7]. Данный термин имеет древние корни и связан с иранской мифологией, и так именуется в ахеменидских и более поздних, персидских источниках. Исторически он ассоциировался с обширными степными и пустынными районами в Северной и Центральной Азии. Термин «Туран» часто используется для обозначения этнических и культурных связей между народами Центральной Азии и Ирана. Ф. фон Рихтгофен использовал совершенно иной принцип для проведения границ Центральной Азии. В качестве ключевого фактора он использовал внутренний сток рек, это дало ему возможность выделить своеобразный «переходной» регион, который он назвал Центральной Азией [10], хотя фактически данный выделенный регион практически соответствовал территории Турана, который выделил А. фон Гумбольдт.

Можно говорить о том, что исследования и методологические подходы немецких ученых сыграли важную роль в формировании дискурса ученых и политиков из России. Включение Турана в территории Центральной Азии в политический и военный дискурс Российской империи обусловлено ее стратегическими интересами и амбициями на этом регионе. Туран был рассматриваемым как часть Центральной Азии, играющая ключевую роль в ее формировании и контроле. Это связано с геополитическим значением и ресурсным богатством этой области. Российская империя стремилась расширить свои владения на восток и юг, в том числе и в Центральную Азию, чтобы обеспечить свои интересы в торговле, экспорте ресурсов, а также для укрепления своего военно-стратегического положения. Туран в этом контексте воспринимался как ключевая территория, контроль над которой мог обеспечить империи доминирующее положение во всей Азии. В данном аспекте этим фактором подчеркивали символическую важность этого региона, а следовательно, отмечали геополитические интересы [1, с. 151].

В работе С. Горшениной показывается перемена в российском подходе к обозначению данных территорий, которая интерпретируется как попытка Российской империи самоутвердиться и придать себе качество уникальной цивилизации. Этот сдвиг также связывается с попыткой придать Центральной Азии статус «третьего континента», который является неотъемлемым связующим звеном между Европой и Азией и основой идеологии евразийства. Сам термин «Туран» был использован для подчеркивания связи земель Центральной Азии с Россией и оправдывал имперские амбиции Российской империи на владения данной территорией в качестве «исконно русских земель» [14]. В данном случае необходимо акцентировать внимание на том, что и термин «Средняя Азия» использовалась исключительно в российской научно-политической среде. Данный термин не использовался больше ни в одной стране мира только потому, что изобретение исключительной терминологии давало возможность построить своеобразную связь между регионом и Россией; фактически имеет место сложение пропаганды и нивелирование апелляций по поводу амбиций Российской империи на эти земли. Также в качестве термина, который определял административный статус данного региона, хотя и менее популярный, был «Туркестан». В разное время он использовался для обозначения различных территорий, включая части современного Узбекистана, Туркменистана и Южного Казахстана. Термин «Туркестан» также использовался для обозначения центра тюркского мира или его культурного и религиозного центра. Наполнение данной терминологической единицы опирались на дополнительные лингвистические и культурологические аргументы. Существует конфуз в использовании терминологии и определении границ в регионе,

однако она также прослеживает тенденцию соединять естественно-научные и геополитические схемы и центрировать регион в соответствии с российским военно-политическим продвижением в этом направлении. В результате этих процессов термины «Туркестан» и «Туран» утратили свое базовое значение, а «Средняя Азия и Казахстан» стали официально принятыми для обозначения советской, «своей» части «Центральной Азии». Это свидетельствует о том, что в ходе военно-политического продвижения России в регионе происходила активная перестройка терминологии и переопределение границ с целью укрепления контроля над регионом и легитимизации влияния. В то время как термин «Центральная Азия» может ассоциироваться с более широкими географическими просторами, включая такие страны, как Афганистан и Пакистан, которые могут быть рассматриваемы как часть региона, но не обязательно входят в определение «Средняя Азия». В результате «Средняя Азия и Казахстан» стали основными терминами для обозначения территорий, подконтрольных Советскому Союзу, что отражает изменение в геополитической и национальной идентичности региона. Использование термина «Средняя Азия» может также отражать исторические и культурные связи между этим регионом и другими частями бывшего Советского Союза, включая Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, которые составляли Среднеазиатский регион в советское время. В историографии стран дальнего зарубежья сохранялись конкурирующие названия и определения границ региона и смежных территорий. Например, в западной историографии могут встречаться термины «Central Asia» и «Central Eurasia», в то время как в российской исторической литературе чаще используются термины «Центральная Азия» и «Средняя Азия». В постсоветское же время произошло переименование «Средней Азии» в «постсоветскую Центральную Азию», что отражало новую геополитическую конфигурацию в этом регионе; были также попытки возродить термин «Туркестан», возникли новые сценарии и термины для конфигурации – одними из наиболее известных являются «Центральная Евразия» и «большая Центральная Азия» [1, с. 156].

Можем констатировать тот факт, что на сегодняшний день в историографии не существует никакой однозначной и политически нейтральной терминологии описания и определения границ региона, наиболее известного сегодня как «Центральная Азия» (или в советской традиции «Средняя Азия и Казахстан»). Все понятия, которые употреблялись и употребляются для его названия и разграничения, имеют свою историю происхождения (не всегда исключительно европейскую, но переработанную и легитимированную «Западом») и обсуждений, погружены в контексты той или иной исторической эпохи, используются во взаимодействии друг с другом. После проведенной деконструкции становится очевидным, что поиск единственного точного понятия и границы территории становится невозможным. Это связано с тем, что термины и определения могут быть субъективными, изменчивыми и зависеть от контекста, в котором они используются. Факт того, что термин «Центральная Азия» стал широко используемым, не делает его и другие понятия ложными или нерелевантными. Эти термины могут иметь свое значение и ценность в определенных контекстах и для определенных целей. Вывод о том, что деконструкция должна привести к отказу от всех терминов, был бы абсурдным. Это привело бы к потере возможности описывать и анализировать регионы и процессы, которые происходят в них. Вместо этого деконструкция позволяет осознать, что термины являются инструментами, созданными людьми для описания и понимания мира, и что их значение и интерпретация могут быть различными в разных контекстах и для разных аудиторий.

Можно смело утверждать, что анализ интерпретации терминов «Центральная Азия» и «Тартария» в историографии и записках средневековых европейских путешественников свидетельствует о значительном плюрализме в вопросе становления данной терминологии. Прежде всего остановимся на немногочисленных источниках, которые освещают данную проблематику. В данном случае речь идет о записках путешественников. Отметим, что именно в данных источниках впервые в историографии употреблен термин «татары» и «Тартария». Термин «Центральная Азия» вообще не употреблялся средневековыми путешественниками, так как он был вообще чужд их пониманию. Прежде всего остановимся на том, что в средневековье топонимы возникали в результате переноса самоназвания этноса, однако этот случай является исключением. В данном случае название территории произошло в результате наслоения мифологии и отрывочных представлений про этнический состав населения. Именно на это указывает ряд исследователей этимологии термина «Тартария» и названия народа «татары» в европейских исторических хрониках. То есть в средневековье термин «Центральная Азия» не употреблялся, так как в европейском сознании еще не сформировался образ целостности континента, а посему выделять его «центральные» («серединные») части попросту не представлялось возможным. Термин «Центральная Азия» входит в обиход много позднее. Этому процессу мы в большей степени обязаны

западноевропейским исследователям, которые отошли от несколько «примитивной» дифференциации территорий и положили в его основу более стойкий принцип – геологический и географический. Именно тогда начинает происходить сложение термина «Центральная Азия». Вместе с тем это не привело к упрочению единого понимания номенклатуры данных земель. Каждый исследователь формировал содержание данного термина по своему, используя различные базисы.

Совершенно иным был путь имплементации термина «Центральная Азия» в Российской империи, а потом в Советском Союзе. Имея намерения обосновать свои амбиции и геополитические интересы в этом регионе, был введен в обиход иной термин – «Средняя Азия». Данный термин отличался от определения, которое использовалось во всем мире, это искусственное определение было призвано упрочить свое положение в регионе и продемонстрировать связь и претензии Российской империи на эти земли. На сегодняшний день совершенно очевидно, что в историографии не сложилось единое мнение по поводу этимологии и четкого определения сущности терминов «Тартария» и «Центральная Азия», в данном случае речь идет лишь об исследовании изменений наполняемости данных терминов содержанием, которые изменялись в различные исторические периоды. Также имело место быть видоизменение терминологии как способ упрочить связь региона с государствами и оправдать их экспансию.

Выводы. Исследование истории определения терминов «Центральная Азия» и «Тартария» в историографии и записках средневековых европейских путешественников позволяет лучше понять процесс формирования представлений о восточных регионах в средневековой Европе. Анализ различных определений и трактовок этих терминов позволяет выявить их изменчивость и многообразие значений в различных исторических контекстах. Исследование исторических корней и эволюции восприятия Центральной Азии и Тартарии помогает понять, как эти регионы воспринимались и интерпретировались европейскими исследователями и путешественниками. Кроме того, обзор источников и литературы по этой теме подчеркивает значимость исторического контекста для правильного толкования этих терминов и их роли в формировании образа «другого» в средневековой европейской культуре.

Список использованной литературы

1. Абашин С.Н. Рец. на кн.: Svetlana Gorshenina «Asie centrale. L'invention des frontières et l'héritage russo-soviétique»; «L'invention de l'Asie centrale. Histoire du concept de la Tartarie à l'Eurasie» // Антропологический форум, 2015, № 25, с. 147-156.
2. История великого Тамерлана. – URL: <https://histrf.ru/read/articles/kratkii-kurs-istorii-tamierlan>
3. Кун М. Легенды и мифы Древней Греции. – Москва: Астра, 2013, 540 с.
4. Молявко Г.И., Франчук В.П., Куличенко В.Г. Геологи. Географ: Биографический справочник. – Киев: Навукова думка, 1985, 352 с.
5. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – Москва: Государственное издательство географической литературы, 1957, 287 с.
6. Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/Dayak>
7. Humboldt A. von. Ansichten der Natur mit wissenschaftlichen Erläuterungen. Bd 1. Über die Steppen und Wüsten. Ideen zu einer Physiognomik der Gewächse. Über Wasserfälle des Orinoco, bei Atures und Maupures. – Tübingen: J.G. Cotta, 1808.
8. Israel da Silva Aquino. Itinerarium fratris Willielmi de Rubruquis de ordine fratrum Minorum: transformações nas formas de representação do mundo de um viajante medieval. Universidade Federal do Rio Grande do Sul Instituto de Filosofia e Ciências Humanas Departamento de História. Porto Alegre, dezembro de 2012.
9. Le Goff J. Centro/Periferia. In: Le Goff J. & Schmitt J-C. Dicionário Temático do Ocidente Medieval. v. II. São Paulo: EDUSC, 2002.
10. Richthofen F. von. Die Entwicklung der wissenschaftlichen Geographie in Sachsen unter dem Einfluss von Oscar Peschel, Otto Delitsch und Ferdinand von Richthofen Gärtner, Rainer W., 1993.
11. Rockhill W. The journey of William of Rubruck to the eastern parts of the world, 1253–55, as narrated by himself, with two accounts of the earlier journey of John of Pian de Carpine. tr. from the Latin and ed., with an introductory notice, by William Woodville Rockhill. – London: Hakluyt Society, 1900.
12. Rodrigues M.U. Os Mongóis – a cavalgada e o eclipse. In: Nômades e sedentários na Ásia Central. Porto: Campo da História, 1999, p. 235-260.
13. Sultangaliev G. The Place of Kazakhstan in the Study of Central Asia / Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, 16, 2 (Spring 2015), p. 345-358.

14. Gorshenina S. L'invention de l'Asie centrale. Histoire du concept de la Tartarie à l'Eurasie. – P.: Librairie Droz, 2014, 702 p.
15. Trepavlov V.V. Istoriya Nogajskoj Ordy [History of the Nogai Horde]. M.: Vostochnaya literatura, 2001, 752 p.